

НА ПУТИ К ПАРАДИГМЕ СЛОЖНОСТИ

В.И. Аршинов, Я.И. Свирский

На пути к коммуникативно-рекурсивной модели Вселенной

В предлагаемой статье нам хотелось бы обсудить возможность обоснования концепции рекурсивной *антропокосмической Вселенной*, сопряженной с представлением о самоорганизующейся Вселенной, которая, в контексте синергетического миропонимания, с необходимостью предполагает включение в нее самоорганизующегося человека. Это обоснование предполагает конструктивное погружение в дискурс «нелинейно-коммуникативной парадигмы», для которой ключевыми являются идеи эмерджентности, становления и самотрансценденции. Тем самым дискурс нелинейно-коммуникативной парадигмы с необходимостью включает в себя междисциплинарное и трансдисциплинарное измерения и уже поэтому не может опираться на некие универсалии, традиционно фундировавшие картины мира – универсалии, отсылающие к некоему стационарному функционированию объектов, пребывающих в состоянии равновесия, гомеостаза, образующих статический иерархический порядок, чья основная функция в том только и состоит, чтобы этот самый гомеостаз сохранять и поддерживать. Такая предельно общая формулировка нуждается в содержательном философско-мировоззренческом и методологическом раскрытии. К указанной задаче можно подойти по-разному, в зависимости от исходных философских представлений. Одним из примеров здесь служит философско-мировоззренческая конструкция Пьера Тейяра де Шардена, раскрывающая космическую сущность феномена че-

ловека¹. Уместно вспомнить также о интуитивизме Николая Лосского с его ключевым тезисом, согласно которому познающий субъект имеет возможность непосредственно (интуитивно) воспринимать транссубъективную реальность². Подход, развиваемый в предлагаемой статье, иной. Его особенность в том, что он в большей степени ориентирован на междисциплинарный, или, точнее, даже трансдисциплинарный, подход, в том его виде, как он формируется в настоящее время в контексте современной постнеклассической науки³ и методологически сфокусирован на характерном для синергетики (как особого рода постнеклассической практике конструирования реальности) циклически-рекурсивном способе мышления. Для этого дискурса особое значение имеют слова, которыми Умберто Матурана и Франциско Варела *начинают заключительную*, десятую главу своей знаменитой книги «Древо познания»: «Подобно рукам на гравюре Эшера, эта книга следовала круговому маршруту... Начало есть конец»⁴. Уместно вспомнить так же и Рене Декарта, который в письме к Мерсенну писал: «Мне было бы приятно, если бы те, кто хочет мне возразить, не торопились бы это делать, а постарались бы понять все, что я написал, до вынесения суждений со своей стороны: ибо все связано воедино и конец служит тому, что бы обосновать начало».

Конечно, в рамках одной статьи данную стратегию осуществить достаточно сложно. Ее, скорее, можно только пунктирно обозначить. Но тем не менее важно с самого начала подчеркнуть, что все рассуждения о рекурсивной антропокосмической Вселенной в рамках классического линейного мышления не могут наделять эти рассуждения каким-либо конструктивным смыслом. Нам необходим переход к нелинейному мышлению, нелинейной парадигме. Здесь также имеется несколько возможностей. Мы попытаемся обрисовать необходимый для раскрытия смысла рекурсивной антропокосмической Вселенной нелинейный способ мышления, апеллируя, главным образом, к авторитету двух выдающихся междисциплинарных мыслителей XX в. – Грегори Бэйтсону и Эдгару

¹ См.: *Тейяр де Шарден П.* Феномен человека. М., 2001.

² *Лосский Н.О.* История русской философии. М., 2007. С. 352.

³ *Стёпин В.С.* Теоретическое знание. М., 2000.

⁴ *Варела У., Матурана Ф.* Древо познания. М., 2001. С. 211.

Морену. Мы надеемся, что обращение к их работам *в режиме диалога* поможет лучше уяснить суть трансдисциплинарной стратегии перехода к синергетическому принципу сетевой цикличности – как основного принципа, противостоящего линейному мышлению, в рамках которого для представления об антропокосмической Вселенной, как только что было сказано, просто нет места. В свою очередь, без такого представления невозможно построить современной онтологии *становления человеческого бытия*, онтологии, столь необходимой нам для того, чтобы противостоять глобальным вызовам цивилизации XXI в., самый последний из которых связан с грядущей нанотехнологической революцией⁵.

* * *

Чтобы как-то подойти к рассматриваемой теме, обратимся к исследовательской стратегии влиятельного англо-американского ученого Грегори Бэйтсона и его сетевой модели мира. Бэйтсон, чье мышление принципиальным образом трансдисциплинарно, в своих теоретических построениях обосновывал то обстоятельство, что разумная, духовная составляющая мироздания не ограничивается только лишь человеческим телом. Он отстаивал холистический взгляд на мир, противопоставляя последний господствующей в науке картезианско-кантовской стратегии мышления. Делая в своих изысканиях акцент не на вещах, а на отношениях между ними, Бэйтсон указывал пути для преодоления картезианского дуализма сознания и материи⁶. Для описания физических, биологических, социальных систем и комплексов он использовал

⁵ *Альтман Юрген*. Военные нанотехнологии. Возможности применения и превентивного контроля вооружений. М., 2006.

⁶ «Для меня картезианский дуализм был непреодолимым барьером. Читателя может развлечь то, как я пришел к определенному виду монизма – убеждению, что разум и природа образуют неизбежное единство, в котором не существует разума *отдельно* от тела и нет Бога *отдельно* от его творения. И как, исходя из этого, я научился смотреть на мир, когда я начинал работать. Правила тогда были совершенно ясными: в научном толковании не должны использоваться ни разум, ни божество и не должно быть ссылки на конечные цели. Все причинные связи должны меняться с течением времени, причем нет никакого влияния будущего на прошлое или настоящее» (*Бэйтсон Г., Бэйтсон М.К.* Ангелы страшатся. М., 1994. С. 19–20).

кибернетическое представление об *обратной связи*: любое природное образование представляет собой совокупность кольцевых причинно-следственных цепей, когда первое звено цепи испытывает воздействие со стороны последнего звена. В результате такая кибернетическая система обретет способности к саморегуляции, самокоррекции и оптимизации собственного поведения. Бейтсон полагал, что чем сложнее природное образование, тем из большего числа колец обратной связи оно стоит. В пределе все мироздание может быть представлено как некая коммуникативная система, или сеть, в которой посредством обратных связей осуществляются метаболические процессы обмена веществом, энергией и информацией. И если предположить, что разумное поведение как раз и состоит в способности к саморегуляции, а шире, к самообучению посредством оптимизации поведения в разнообразных условиях существования, то его носителем будет выступать не только мозг, но и все человеческое тело, а также окружающая это тело среда, поскольку обратные связи выходят за пределы любой ограниченной телесности. Более того, в таких сложных системах с обратной связью не существует выделенных центров управления (типа инстанции «Я»), поскольку последние сами являются элементами кольцевых цепей. Любое центрирование, любое приписывание какому-либо локусу сети выделенных управляющих функций является иллюзорным и свидетельствует, согласно Бейтсону, об отсутствии системной мудрости. И поскольку во главу угла здесь ставятся не вещи, а отношения, то все, чему приписывается выделенный статус управляющей инстанции, в конечном счете, выступает лишь как некий системный эффект. Разум, превратившись в показатель сложности системы, приурочивается здесь не только человеку, но и любой сложноорганизованной структуре, а в пределе всему мирозданию.

Далее, Бейтсон полагал (и демонстрировал это в своих этнографических, экологических, социальных и психологических исследованиях), что мироздание, организованное как сеть коммуницирующих обратных связей, иерархически-рекурсивно: каждая сложная система вместе со своими метаболизмами существует в контексте (или окружении) более сложной системы, с которой она также обменивается веществом и информацией, и т. д. Причем такой контекст качественно определяет поведение

системы⁷. Подобная иерархия контекстов может интерпретироваться как рекурсивная иерархия миров и, соответственно, иерархия разумов, имманентных этим мирам, – сетевых разумов, приписываемых уже не только человеческому существу и структурно сопряженных друг с другом. Причем термин «разум» имеет здесь расширенное значение, выходящее за границы картезианско-кантовского истолкования разумно-рассудочной деятельности субъекта. Этим термином уже обозначаются и бессознательное, и эмоционально-чувственная жизнь человека, и те плохо артикулируемые способности последнего, которые позволяют ему продуктивно двигаться в более широких, а потому не ухватываемых чистым *ratio* контекстах. Отсутствием системной мудрости как раз и будет выступать невнимание к таким особому рода способностям (шестому чувству) и эгоистическое стремление представить собственное Я в качестве последней управляющей и познающей инстанции⁸. В противовес эгоистической установке разума Бейтсон настаивает на особом типе духовно-разумной деятельности, которая имманентна «не только телу, а также контурам и сообщениям вне тела», поскольку «есть больший Разум, в котором индивидуальный разум – только подсистема. Этот больший Разум можно сравнить с Богом, и он, возможно, и есть то, что некоторые люди понимают под “Богом”, однако он по-прежнему имманентен совокупной взаимосвязанной социальной системе

⁷ «Обучение всегда происходит в некотором контексте, имеющем формальные характеристики... Этот структурированный контекст также размещается внутри более широкого контекста (если хотите, метаконтекста), и эта последовательность контекстов образует открытую и, по-видимому, бесконечную серию... Происходящее в более узком контексте будет подвергаться воздействию более широкого контекста, внутри которого обретает свое существование меньший. Между контекстом и метаконтекстом может возникать неконгруэнтность (конфликт)... Тогда организм сталкивается с дилеммой: либо быть неправым в первичном контексте, либо быть правым по неправильным причинам или неправильным образом» (*Бейтсон Г., Бейтсон М.К.* Указ. соч. С. 269).

⁸ «Коль скоро наши разумы (в узком понимании как наши Я. – Я.С., В.А.), включая наши инструменты и наши действия, – это только части большого разума, его вычисления могут быть искажены нашими противоречиями и искажениями. Коль скоро имманентный разум включает наше безумие, он сам неизбежно подвержен возможному безумию. С помощью нашей технологии мы вполне способны вызвать безумие большей системы, частью которой являемся» (Там же. С. 432).

и планетарной экологии»⁹. Причем такой экологически понятый Бог не коварен, не мстителен. Мнимая агрессивность Бога – лишь обратная реакция сверхсложной системы, в которую включен и человек, на опрометчивые действия последнего – действия, основанные на эгоистическом самоцентрировании. На отказе от самоцентрирования, от позиции изолированного наблюдателя держится феномен веры, но не догматической веры во всеблагого Творца, а веры как инструмента постижения высших контекстов (или параметров порядка), задающих условия обратной связи для менее сложных подсистем. И в таком случае устойчивое существование и эволюция мироздания зависит не только от действий людей, но и от их мыслей, эмоций, желаний и чувств.

В статье «Бог и обратная связь в сетевой парадигме Грегори Бейтсона» А.И.Пигалев пишет: «У Бэйтсона ...исходной моделью всего сущего является сложная, полностью имманентная *коммуникативная система*, в которой происходят метаболические процессы (процессы обмена). При этом обмен является не только вещественным, когда один элемент системы физически замещает другой но и *символическим*. ...В результате разворачивания процессов обмена в системе появляется “центр”, то есть некоторый выделенный элемент, а отношения элементов между собой подавляются и заменяются единственно возможными отношениями каждого элемента к “центру”... Поэтому «центризм, описанию и разрушению которого уделяется так много внимания в современном философско-теологическом дискурсе, это *система с существенно редуцированной обратной связью*. В итоге внимание в центрированных системах сосредотачивается именно на части системы (“центре”), который представляет собой не что иное, как такое *сгущение сети (ее фетиши), которое делает все связи односторонними*»¹⁰. Если встать на точку зрения синергетики, то этот центризм выглядит несколько иначе. Последнее обстоятельство становится ясным, если мы свяжем «сгущение сети» с синергетическими параметрами порядка, а также с фигурой синергетического субъекта, как трансдисциплинарно-трансцендентным субъектом постнеклассической науки.

⁹ Бейтсон Г. Экология разума. М., 2000. С. 426.

¹⁰ Пигалев А.И. Бог и обратная связь в сетевой парадигме Грегори Бейтсона // Вопр. философии. 2004.

Рассмотрим данный вопрос подробнее. Исследуя коллективные когнитивные процессы с позиций синергетического подхода как рекурсивной встречи внешнего и внутреннего, Герман Хакен и Юваль Португали особо подчеркивают в связи с этим, что «человек рождается в среде, которая уже самоорганизована и подчинена некоторым параметрам порядка. Следовательно, некоторые из особенностей, формирующих когнитивную карту, появляются уже как подчиненные параметрам порядка, и очень вероятно, что индивидуум создает когнитивную карту не только на основе борьбы внутренних параметров данного набора деталей окружения, а уже будучи подчиненным одному или нескольким из этих параметров, или более глобальным представлениям»¹¹, образующим некий имманентно-трансцендентный мир идеальных форм и предопределенностей. Этот мир *креатуры* (по Г.Бэйтсону и К.Юнгу) рекурсивно-холистическим образом обуславливает контингентные паттерны событийных процессов, в которые мы, так или иначе, являемся вовлеченными. Повторим: субъект самоорганизации создает свою когнитивную карту как рекурсивную встречу на границе внешнего и внутреннего, как результат конструктивной операции коммуникации, как трансграничного автопоэтического сопряжения самореференции и внешней инореференции. Такое «синергетическое представление когнитивных карт придает намного больший вес внешней среде и внешней когнитивной памяти, чем это традиционно признается в когнитивных науках», хотя у таких ученых, как Выготский или Гибсон, всегда занимала ведущее место идея о том, что когнитивная система человека есть внутренне-внешняя сеть, где некоторые из элементов представлены или хранятся внутри психики (мозга), а некоторые во внешней среде¹².

Таким образом, наряду с традиционно объективированным представлением процесса (самоорганизации) паттерна (структуры), при котором параметры порядка подчиняют некоторые внешние по отношению к наблюдателю подсистемы, и субъективированным представлением процесса распознавания образа, при котором параметр порядка подчиняет некоторые внутренние детали образа в сознании, мы имеем здесь рекурсивно-коммуникативный

¹¹ Хакен Г., Португали Дж. Синергетика, межуровневые нейронные сети и когнитивные карты // Синергетика и психология. Вып. 3. М., 2004. С. 130.

¹² Там же.

процесс, «в ходе которого один или несколько параметров порядка подчиняют себе и внешне представленные подсистемы и внутренне репрезентированные свойства»¹³. Здесь мы имеем дело с синергетикой процессов управляемого конструирования человеком окружающей его среды на основе общих закономерностей самоорганизации космоса и его самого (вместе с сознанием и самосознанием) как его неотъемлемой части. Мы полагаем, что с этой точки зрения назначение человека во вселенских процессах как совокупности процессов самоорганизации человекомерных, наделенных сознанием систем, подчиненных своим параметрам порядка, позволяет подойти с более общих метаметодологических позиций к осмыслению практик создания современной концепции синергетического управления. Хотя, конечно, здесь предстоит еще большая работа, в частности, связанная с пониманием самого сознания как самопорождающей (автопозитической) системой, находящейся в процессе создания самой себя и замкнутой кольцевой стабилизированной обратной связью, нагрузкой – некоторой продуктивной деятельностью, создающий «внешний контур» распределенного управления целенаправленным становлением самоорганизующегося «космического субъекта» (В.А.Лефевр).

* * *

Попытаемся соотнести приведенные выше подходы с подходом Эдгара Морена – выдающегося французского мыслителя, внесшего большой вклад в разработку философских и методологических проблем современной постнеклассической науки как междисциплинарной науки о *сложности*. Вот что он пишет: «...*Сохранить циклическую зависимость – значит отказаться от сведения сложной основной мысли к порочному принципу; значит отказаться от преувеличения главенствующего понятия (Материя, Сознание, Энергия, Информация, Классовая борьба) и т. д. Это значит отказаться от линейного размышления, имеющего свои исходный и конечный пункты. Это значит отказаться от абстрактного упрощения.* Кажется, что, разрывая циклическую

¹³ Хакен Г. Принципы работы головного мозга. Синергетический подход к активности мозга, поведению и когнитивной деятельности. М., 2001. С. 298.

зависимость, мы восстанавливаем возможность абсолютного объективного познания. Но это как раз и является иллюзорным: сохранить циклическую зависимость, напротив, означает уважать объективные условия человеческого познания, которое всегда включает в себя, где-либо, логический парадокс и неопределенность. Сохранить циклическую зависимость, поддерживая связь двух предположений, оба из которых независимо друг от друга признаны истинными, но которые опровергают друг друга, как только они вступают в контакт, – значит открыть возможность постижения этих двух истин как двух сторон одной сложной истины, снять таинственную завесу с коренной реальности, которая заключается в отношении взаимозависимости между понятиями, которые принцип разделения изолирует или противопоставляет, наконец, открыть дверь к исследованию этого отношения.... Постигнуть циклическую зависимость – это, следовательно, открыть возможность метода, который, заставляя взаимодействовать отсылающие друг к другу термины, стал бы продуцировать в ходе этих процессов и обменов сложное знание, несущее в себе свою собственную рефлексивность»¹⁴.

Именно этот принцип Морен называет принципом *сложности*. И чтобы понять его как принцип постнеклассической науки, нам как раз и необходимо циклическое мышление, особого рода нелинейная синергичная трансдисциплинарная коммуникация. Нам нужна идея петли, «несущая в себе принцип познания, который не является ни атомистическим, ни холистическим (упрощающая целостность). Он означает, что мы можем мыслить, только исходя из когнитивной практики (активной петли), которая заставляет продуктивно взаимодействовать бесплодные понятия, являющиеся таковыми, когда они разъединены или вступают в антагонистическое противоречие друг с другом»¹⁵.

Таким образом, выявление особой онтологии конкретизируется как поиск истины, смысла и ценностей в контексте *превращения открытия сложности в метод познания сложности*. От сложности Природы к природе сложности. «Классическая наука была не способна понять объект науки, и именно потому, что ученый был не способен понять самого себя как субъекта науки. ...

¹⁴ Морен Э. Метод. М., 2005. С. 40–41.

¹⁵ Там же. С. 436.

Конечно, слова Морена непосредственно касаются определенного этапа развития науки вообще и естествознания в частности – этапа, получившего название «классический». Уже на неклассическом этапе развития наук, в особенности в квантовой механике, утраченная связь начала восстанавливается. И этот процесс восстановления в полной мере начинает проявлять себя в постнеклассической науке, где единство вселенной предстает как сложностное единство, наделенное генеративностью и историей; историей включающей в себя и человеческую историю. И здесь постнеклассическая наука сталкивается с фундаментальной задачей «понять антропосоциологическую сферу не только в ее нередуцируемой специфичности, но и в ее физическом и космическом измерении»¹⁸. И тогда важнейшее значение приобретает проблема идентификации топоса встреч, конвергенций различных дискурсов, – проблема, которая сама по себе тоже является коммуникативной. Она, собственно, и выступает в качестве проблемы синергетического распознавания образов *резонансных* областей. Но если так, то наши усилия должны быть направлены «не на целостность знаний в каждой отдельной сфере, а на решающее знание, стратегические пункты, узлы коммуникации, организационные соединения между разъединенными сферами знания»¹⁹.

Итак, требуется наметить подходы к нахождению или, точнее, построению «решающего знания», что также является проблемой познания человеческих ценностей в трансдисциплинарном диалоге постнеклассической науки и другими формами культуры. Отсюда и пристальное внимание к коммуникации, коммуникативному подходу как срединному – синергетическому – пути между крайностями атомизма и холизма, порядка и хаоса, автономии и связанности, подчиненности и независимости.

Здесь уместно заметить, что то понимание коммуникации, которого мы придерживаемся, полностью созвучно его пониманию Эдгаром Мореном, как оно представлено на страницах недавно изданного на русском языке первого тома его фундаментального трактата «Метод. Природа природы». Обратимся к нему еще раз. Вот что он пишет: «В ходе написания моего трактата я одновременно и опирался на кибернетическую теорию, и противостоял ей...

¹⁸ Морен Э. Метод. С. 428.

¹⁹ Там же. С. 42.

Достоинства кибернетики заключаются не только в том, что она привнесла пучок обогащающих науку понятий, таких как обратное действие по отношению к взаимодействию, петля по отношению к процессу, регулирование по отношению к стабилизации, финальность по отношению к казуальности, – все эти идеи становятся отныне безусловно необходимыми для постижения физических, биологических, антропосоциальных феноменов. Суть дела заключается не только в том, что она завязала в пучок идеи управления и коммуникации и создала пучок посредством этих идей, но и в том, *что она связала все эти термины организационным образом и тем самым произвела на свет первую общую науку..., имеющую в качестве своего предмета организацию...* Винер, посвящая себя изучению кибернетических машин, упустил возможность разработать теорию машины. Но хотя он с самого начала искажил эту теорию, он все же совершил экстраординарное открытие коммуникативной организации, без которой отныне нельзя предпринимать попытки осмысления того, что представляет собой живое, человеческое, социальное»²⁰.

Здесь следует добавить: и духовное. То, что дело обстоит именно таким образом, следует и из антропной кибернетики Бейтсона, из его сетевой парадигмы, ориентированной на кибернетическую онтологию обратной связи. Мы можем сопоставить Морена и Бейтсона. Как и Э.Морен, Бейтсон может рассматриваться в качестве одного из основоположников сетевой рекурсивно-коммуникативной парадигмы представления мироздания, постигаемого во всей его сложности, – парадигмы, в которой есть место для духовного измерения человеческого бытия, которое не ограничивается только человеческой телесностью. Бейтсон, как и Морен, отстаивал нелинейно-коммуникативный сетевой взгляд на мир, делая акцент не на вещах, а на отношениях между ними. Для Бейтсона мир – это сеть, «состоящая из» элементарных ячеек, нелинейных кибернетических единиц, гештальтов, эволюционирующих единиц выживания «организм-в-своей-окружающей среде». Согласно Бейтсону, «мир состоит из очень сложной сети (т. е. даже не цепи) сущностей, имеющих подобный тип взаимоотношений с той только разницей, что многие из этих сущностей имеют свои собственные источники энергии и, возможно, даже свои собственные идеи о том, куда

²⁰ Морен Э. Метод. С. 293–294.

они хотели бы двигаться»...²¹. В итоге мироздание предстает как становящаяся сеть процессов, характеризующихся обратными связями, благодаря которым происходят обмены веществом, энергией, информацией и, наконец, посланиями, смысл которых мы призваны стремиться разгадать. И тогда, согласно Бейтсону, носителем сознания и разумного поведения (если принять, что последнее состоит в способности к саморегуляции, к самообучению через оптимизацию самого себя) будут выступать и мозг, и человеческое тело, и даже окружающая среда. Причем в таких сложных системах с обратной связью нет фиксированных центров управления (типа *Cogito*). Любое центрирование здесь – ничто иное, как отсутствие системной мудрости, ибо разум, при таком подходе, присущ не только человеку, но, в конечном счете, и миру в целом.

Тогда уместно еще раз вернуться к Э.Морену, который писал: «Чтобы понять науку, нельзя отстраниться от проблемы *наблюдений*, которые фиксируют как тайное послание то, что получает из внешней вселенной сознание, которое замкнуто в самом себе и в своем обществе *здесь и теперь*, сознание, которое может найти в самом себе и в своей культуре не только идеологию иллюзии, но и идеи для толкования наблюдения. Тогда обнаруживается ключевая проблема, которая является нашей проблемой: это проблема парадокса, загадки, сложности гордиева узла с его двойным переплетением: переплетение объекта-космоса и познающего субъекта, где космос охватывает и порождает познающего субъекта, который появляется как крошечный и мимолетный элемент/событие в космическом становлении, но где в то же время познающий субъект охватывает и порождает космос в своем собственном видении; переплетение космофизической вселенной и антропосоциальной вселенной, где каждая по-своему порождает другую, будучи всецело зависимой от другой. ...*Неведомое, неопределенное, сложное находится как раз в этих связях и переплетениях*. Сумеет ли мы сделать из неопределенности фермент сложностного познания? Узнаем ли мы, как включить познающего в познание и понять познание в его многомерном укоренении? Сумеет ли мы разработать метод для постижения сложности? Я знаю: риск неудачи в такого рода предприятии в высшей степени вероятен...»²².

²¹ Бейтсон Г. Экология разума. С. 293.

²² Морен Э. Указ. соч. С. 122.

Понимание особенностей постнеклассической междисциплинарной и трансдисциплинарной позиций Э.Морена и Г.Бейтсона в нашем случае особенно важно, ибо именно для них характерен поиск выхода за пределы классической ньютоновско-картезианской реальности в направлении системно-коммуникативного сочетания сетевого и иерархического подходов. Как уже отмечалось ранее, мироздание по Бейтсону иерархизировано. Каждая сложная система (со своими метаболизмами) существует в контексте охватывающей ее более сложной системы, с которой она находится в особом коммуникативно-структурном сопряжении и которая качественно определяет ее поведение. Такая иерархия контекстов может быть истолкована как иерархия миров, или иерархия сетевых разумов, приписываемых уже не только человеческому существу. Таким образом, Бейтсон пытается решить сквозную для западного мышления проблему взаимосвязи имманентного и трансцендентного, проблему их жесткой дихотомии. Во всяком случае, понимание разума у Бейтсона не укладывается в рамки картезианско-кантовской интерпретации разумно-рассудочной деятельности субъекта. Тогда невнимание к таким особому рода способностям (шестому чувству), эгоистическое стремление представить собственное Я в качестве последней управляющей и познающей инстанции – еще один показатель отсутствия системной мудрости. В противовес эгоистической установке сознания Бейтсон настаивает на существовании более обширного (системного) Разума, где индивидуальное сознание – лишь подсистема. Такой системный Разум можно сравнить с Богом. В отличие от Фрейда, «расширившего концепцию разума вглубь ради включения всей внутрителесной коммуникативной системы (автономной, связанной с привычками), а также широкого спектра бессознательных процессов», Бейтсон расширяет разум вовне. И оба эти изменения, подчеркивает он, «сужают сферу компетенции сознательного “Я”». Тут становится уместным известное смирение, смягчаемое удовлетворением или радостью быть частью чего-то большого. Если хотите, частью Бога»²³.

Бейтсоновский рекурсивно-сетевой экологический Бог изначально доброжелателен. Зло, якобы от него исходящее, – лишь обратная реакция сверхсложной системы на эго-центрированные

²³ Бейтсон Г. Экология разума. С. 187.

действия человека. На отказе от самоцентрирования, от позиции изолированного наблюдателя держится феномен веры, но не догматической веры во всеблагого Творца, а веры как инструмента постижения высших контекстов (или параметров порядка). «Если вы помещаете Бога вовне, ставите его лицом к лицу с его творением и если при этом у вас есть идея, что вы созданы по его образу и подобию, то вы естественно и логично станете видеть себя вне и против окружающих вещей. Если же вы самонадеянно приписываете весь разум самому себе, вы станете видеть окружающий мир как неразумный и, следовательно, не заслуживающий моральных или этических оценок. Окружающая среда станет казаться предназначенной для эксплуатации. Вашей единицей выживания станете вы сами, ваш народ или ваши сородичи, противопоставленные окружению других социальных единиц, других рас, зверей и овощей. Если таковы ваши представления о ваших отношениях с природой и вы *при этом имеете современную технологию*, ваша вероятность выживания будет такой же, как у снежинки в аду. Вы погибнете либо от токсичных отходов собственной ненависти, либо просто от перенаселения и свержистощения почв»²⁴.

Вернемся теперь к основному для нашей темы узлу коммуникации. Напомним, что этот узел располагается на рекурсивном пересечении по крайней мере трех структурно сопряженных дискурсов: 1) постнеклассической философии; 2) синергетики как нелинейной, циркулярной коммуникации и 3) высокой «поминающей» культуры.

Мы убеждены, что для формирования новой системы ценностей как предпосылки выхода из глобального цивилизационного кризиса человек уже не может воспользоваться каким-то одним видом знания, как научного, так и вненаучного. Речь идет о становлении нового антропокосмического миропонимания, в контексте которого человеческое существование обретает свое подлинно глобальное, космологическое духовно-смысловое измерение. Однако не стоит забывать также и о весьма примечательном признании Морена: «Я знаю: риск неудачи в такого рода предприятии в высшей степени вероятен». В самом деле, «исследование “природы Природы” невозможно осуществить без поиска метода, с тем, чтобы понять ключевые связи Объект/Субъект, Природа/Культура,

²⁴ Бейтсон Г. Экология разума. С. 187.

Physis/Общество, которые скрыты и оборваны в простых элементах знания»²⁵. А найти этот метод понимания ключевых связей, «скрытых и оборванных в простых элементах знания», – значит понять, что, во-первых, такие связи по своей природе являются прежде всего обратными и коммуникативными и, во-вторых, метод понимания этих связей может быть выработан только в (мета)контексте постнеклассических междисциплинарных исследований. Но такого рода исследования предполагают сборку нового трансдисциплинарного субъекта, способного к диалогу с трансцендентальными субъектами духовной культуры. Однако в готовом виде эти субъекты отсутствуют. Есть только их постнеклассический проект. Сборка этих субъектов, их становление и есть одновременно (по принципу рекурсивной цикличности) восстановление утраченных (оборванных, забытых, редуцированных по Бейтсону) обратных связей.

Но такая работа (своего рода археология познания) сопряжена с многочисленными сложностями, связанными помимо всего прочего и с тем, что исследователи разделены не только профессиональными границами, но и экзистенциальными установками, задающими их системы ценностей. Отсюда необходимость в создании новых кросскультурных метакоммуникаций, в которых и формируются, становятся трансдисциплинарные, транскультурные и трансцендентальные субъекты. Виртуальным образом такие коммуникации и субъекты уже существуют (становятся, или открываются заново) в современной постнеклассической науке, культуре и философии.

Именно акцент на трансдисциплинарности и коммуникативной природе познания позволяет взглянуть на его взаимоотношения с высокими культурами древности, системами традиционных знаний и духовных практик с позиций диалога, субъект-субъектного, а не субъект-объектного, взаимодействия. От классической кибернетической схемы, в которой коммуникация подчинена управлению, мы переходим к ее постнеклассической версии (которой, по сути, и является синергетика), где управление и коммуникация находятся в рекурсивно сложном, дополнительном, «осциллирующем» отношении. Таким образом, мы приходим к проекту коммуникативной онтологии сетей наблюдаемых и наблюдающих, озна-

²⁵ Морен Э. Указ. соч. С. 122.

чаемых и означающих, интерпретируемых и интерпретирующих; проекту, в котором делается акцент на циклическую герменевтику понимания, а не на попытку строить такую онтологию понимания, которая бы отсылала к предсуществующему бытию, предполагающему некие раз и навсегда заданные «универсалии», элементы мира, кирпичики мироздания.

Именно в рамках такой процессуально-коммуникативной онтологии становления оказывается возможным ввести представление о коммуникативной реальности, частью которой является так называемая объективная реальность, представляющая собой нечто иное, как реальность устойчиво воспроизводимой обратной связи, получаемой нами как реакция в ответ на наше целенаправленное (осмысленное) взаимодействие со средой, «которая нас окружает». Как пишет Бейтсон, «в научном исследовании мы стартуем от двух начал, каждое из которых по-своему авторитетно: наблюдения нельзя отрицать, а фундаментальным понятиям нужно соответствовать. Мы должны совершить нечто вроде маневра “взятия в клещи”. Если вы обмеряете участок земли или составляете карту звезд, вы имеете две совокупности знания, ни одну из которых нельзя игнорировать. С одной стороны, есть ваши собственные эмпирические измерения, а с другой – геометрия Эвклида. Если эти два множества нельзя свести воедино, тогда либо измерения неверны, либо вы сделали из них неправильные выводы, *либо* вы совершили важнейшее открытие, ведущее к пересмотру всей геометрии. Горе-бихевиористу, не слыхавшему о базовой структуре науки, не знающему истории скрупулезной философской и гуманистической мысли о человеке за последние 3000 лет, не способному определить ни энтропию, ни таинство, лучше бы ничего не делать, чем множить джунгли недоиспеченных гипотез»²⁶.

Именно в рамках такой коммуникативной онтологии мы можем понять эксперимент (как натурный, так и мысленный) как маневр «взятия в клещи», как «окружение», как «круговой» кибернетический процесс, в котором мы оказываемся вовлеченными в циклический контакт с «объективно» исследуемым фрагментом реальности, и, дополнительным образом, с самими собой и с «другим». Ссылка на «Другого» в данном случае – это и указание

²⁶ Бейтсон Г. Шаги в направлении экологии разума. Избр. ст. по теории эволюции и эпистемологии. М., 2005. С. 36.

(эмпирическое) на существование трансцендентального коммуникативного сообщества (Карл Отто Апель) как «места обитания» становящегося в языке и символах виртуального трансцендентального субъекта.

Как говорит Бейтсон, «я полагаю попросту неверным то, что фундаментальные понятия науки начались с индукции от опыта. Я предлагаю в поисках основания моста среди фундаментальных понятий отправиться назад к самым началам научной и философской мысли, период более ранний, чем тот, когда наука, философия и религия стали отдельными видами деятельности, отдельно развиваемыми профессионалами в отдельных дисциплинах. Посмотрим, например, центральный иудео-христианский миф о происхождении. Каковы те фундаментальные философские и *научные проблемы*, которые затрагивает этот миф?.. Становится странно, почти жутко, когда замечаешь, как много фундаментальных понятий и проблем современной науки предвосхищено в этом древнем документе»²⁷.

Синергетика, представляя собой ядро постнеклассической науки, согласно которой мир – это целостная динамическая композиция самоорганизующихся процессов, взаимопереходов «порядок-хаос». В контексте такой картины то, что мы обычно именуем термином «реальность», возникает и существует в пространстве между коммуницирующими инстанциями (параметры порядка Хакена). Подчиненность этой реальности есть одно из проявлений синергетического принципа подчинения (Г.Хакен). Поиск высших реальностей – это поиск высших параметров порядка в синергетическом (иерархически-сетевом) пространстве кольцевых причинно-следственных связей. Если реальность интерпретируется как продукт коммуникативных самоорганизующихся процессов, то появляются основания говорить о многообразии реальностей, построение (или открытие) которых уже не может осуществляться только посредством (или на основе) рационалистической интуиции в духе Декарта.

В свое время Д.Бом, предложив различать в мире два типа упорядоченности – неявную (имплицативную) и явную (эксплицативную), – настаивал на том, что «обычные» средства наблюдения обеспечивают возникновение «осязаемой» (эксплицативной)

²⁷ Бейтсон Г. Шаги в направлении экологии разума. С. 36–37.

реальности, но они не годятся для схватывания неявного порядка. Обоснованию и описанию порядков более глубокого уровня реальности призвана служить метафора голограммы. В таком случае «явленность» нашего мира, по Бому, аналогична голографическому изображению, в основе которого лежит неявный порядок бытия, порождающий всю наблюдаемую органами чувств реальность, причем последняя схватывается благодаря наличию некоего «сверхэмплицитного» порядка.

Восстановление онтологии по фрагментарным наблюдениям – задача не имеющая одного единственного решения. Таких онтологий много. Для конструирования «объективной реальности» у нас имеются не одни единственные «клещи Бейтсона». У нас есть выбор инструментов. И различия в этом выборе – это различия в выборе парадигмы, ибо сам такой выбор подчиняется выбранной парадигме, ее ключевым принципам. А этих ключевых принципов, вообще говоря, всего два. Первый – принцип разделения, упрощения, разъединения. Второй – *принцип сложностности*, принцип соединения того, что было разъединено. Мы выбираем парадигму соединения с ее принципом сложностности, подчиняя ему принцип разделения и упрощения.

Для обоснования последнего тезиса необходимо еще раз вернуться к особенностям диалого-коммуникативного способа мышления, присущего трансдисциплинарному субъекту постнеклассического (синергетического) познания, который имеет дело с самоорганизующимися человекомерными системами. Такого рода системы сами по себе уже не являются только объектами, вещи не являются только вещами. «Всякий объект наблюдения или изучения отныне должен быть понят в зависимости от его организации, окружающей его среды, его наблюдателя»²⁸.

А потому эти постнеклассические системы с метапозиции трансдисциплинарности предстают как рекурсивно вложенные друг в друга сети петель обратных связей, перманентно находясь в ситуациях неопределенности, принятия решения (бифуркации). Последнее означает, что синергетический субъект реализуется в широком спектре состояний сознания, ценностное измерение которых выходит за границы неявно подразумеваемой шкалы оценок рационалистически ориентированной культуры Запада.

²⁸ Морен Э. Указ. соч. С. 434.

Синергетика как методология конструирования сложностной реальности выступает как один из инструментов такого преодоления. Опять-таки, необходимо проводить различие между разными моделями субъекта – различие, коренящееся в личностном, рефлексивно-коммуникативном опыте индивида. «Сохраняя циклическую зависимость, кругообразное движение, мы тем самым, вероятно, открываем возможность познания, рефлексизирующего о самом себе; фактически циклическая зависимость

физика → антропосоциология и циклическая зависимость объект → субъект
 ↑ _____ ↓ ↑ _____ ↓

должны привести физика к размышлению о культурных и социальных характеристиках науки, собственного сознания и подвести к постановке вопросов о самом себе. Как указывает нам картезианское *cogito*, субъект возникает посредством рефлексивного движения мысли о мысли»²⁹.

Но бытие декартовского субъекта сводится к Эго: Я –
↑есть↓

Мыслить, согласно Декарту, – значит сомневаться и, в конечном счете, получать доступ к самому себе посредством критического интеллектуального автодиалога. Но такая коммуникация, как мы неоднократно подчеркивали, есть предельный идеализированный случай. Более существенен диалоговый тип личности, открытой, креативной и предрасположенной к достижению устойчивого интересубъективного согласия. То есть личности становящейся, находящейся на пути перехода от эгоистического состояния к альтруистическому.

Итак, субъект постнеклассической науки – это, для нас, прежде всего, синергетический субъект, осознающий себя в интертекстуальном метаконтексте многообразных междисциплинарных и кросскультурных коммуникативных практик. Постнеклассическая наука имеет дело с субъектом, который становится в контексте исторического времени, в контексте открытого диалога с культурой. Она стремится зафиксировать становящуюся реальность в ка-

²⁹ Морен Э. Указ. соч. С. 41.

честве реальности, создаваемой не только наукой, но и современными высокими информационными технологиями; зафиксировать ее в качестве реальности, создаваемой в процессе диалогического коммуникативного взаимодействия с культурой, в качестве реальности, порождаемой процессом соотнесения человека с самой собой, посредством его эволюционно-космологического измерения.

Весь этот процесс можно также рассматривать как процесс восхождения и децентрации. Причем в качестве исходного пункта такого восхождения можно рассматривать классического субъекта (галилее-лапласовского типа), страстно стремящегося постичь реальность «как-она-есть-на-самом-деле», «по ту сторону» изменчивого мира человеческих эмоций и ощущений. Второй шаг – неклассический субъект квантово-релятивистской физики. Для такого субъекта познания (за которого ратовали и Гейзенберг, и Бор) реальность выступает как то, что создается в мысленных и натуральных экспериментах, а также благодаря рефлексии над ними. Что же касается постнеклассического субъекта (субъекта, к которому отсылают и Пригожин, и Морен, и Бейтсон), то он рождается в рефлексивных практиках «второго порядка», формирующих коммуникативную реальность «нового диалога человека и природы», причем процесс объективации такой природы превращает его в субъекта – носителя ценностно-познавательного экологизированного сознания.

Включение *многопетлевого процесса осознания* требует соответствующих инструментов для практической духовной работы в области трансцендентного. И нам нужно познать природу замыкания этих *петель осознания*.

Теперь мы готовы к тому, чтобы утверждать: постнеклассическая парадигма – это, прежде всего, *парадигма конструктивности и сложности*. И тогда *метапринципу сложности* оказываются подчиненными такие *принципы* постнеклассической науки, как синергичность, самоорганизация, нелинейность, наблюдаемость, ответственность, коммуникативность, иерархичность, цикличность, дополнительность. Мы готовы также к тому, чтобы утверждать, что, будучи включенной в связывающую парадигму сложности, концепция макродвига Э.Ласло позволяет показать эвристические возможности синергично-коммуникативного подхода для понимания процессов взаимодействия новой эконо-

мики, знаний и ценностей в постиндустриальном обществе как в особом роде автопоэтической эволюционирующей «человекомерной» системе.

В парадигме сложности представление об обществе, основанном на знании, мудрости и коммуникации должно расшириться до понятия рефлексивно сложностного общества как такого общества, для которого сложность – фундаментальная ценность, предпосылка целенаправленной трансформации ценностного сознания от эгоизма к альтруизму, как необходимого условия выживания человечества в XXI в. Как пишет Эдгар Морен, «трудно понять сложность, и не потому, что она является запутанной (сложность не есть запутанность), а потому, что все то, что состоит во введении новой парадигмы, очень трудно понять... Сложность... выкапывает и реанимирует невинные вопросы, которые мы были вымуштрованы забывать и презирать... Упрощение – это грубая рационализация, а не невинная идея (как далеко мы ни углублялись бы в архаическую мифологию, мы никогда не находим в ней простую идею, мы всегда находим сложный миф). Добродетель Сермона в горах, невинного руссоиста, идиота Достоевского, пушкинского блаженного, плачущего в “Борисе Годунове” – это нечто, лежащее за пределами царства абстрактной идеи, которая как негэнтропийно слабая, находится ниже ватерлинии ничтожнейшей живой реальности: эти невинные люди выражают самую богатую коммуникативную сложность, которая только может быть порождена жизнью, – сложность любви... Сложность – это прогресс познания, который приносит нам неведомое и таинственное. Тайна не открывается только избранным; она освобождает нас от всякой бредовой рационализации, которая претендует на то, чтобы свести реальное к идее, и она несет нам, в поэтической форме, весть о непостижимом и невероятном»³⁰.

Для рассматриваемых в нашей статье вопросов представляет также интерес трансдисциплинарный дискурс сложности в том его виде, как он выстраивается в работах румынского физика и философа Басараба Николеску. Основная их интенция – преодоление традиционного для Запада разрыва между наукой и гуманитарной культурой, между пониманием смысла физической вселенной и пониманием смысла человеческой жизни в физической вселенной,

³⁰ Морен Э. Указ. соч. С. 438–439.

между субъектом и объектом в познании и культуре. Для нас особенно важна духовно-космологическая направленность его трансдисциплинарной концепции сложностной реальности.

Наука, конечно же, является частью культуры, но такая научная культура полностью отделена от гуманистической культуры. Эти две культуры, как было показано Чарльзом Сноу, воспринимаются как антагонисты. Каждый мир – научный и гуманистический – герметично замкнут в себе. А нам необходимо их автопоэтическое сопряжение.

Конечно, с 1959-го, когда Ч.П.Сноу сформулировал эту концепцию, прошло достаточно времени. Бракосочетание между фундаментальной наукой и техникой состоялось, произведя на свет технаучную культуру, которая, однако, сама по себе порождает технократически ориентированную волну глобализации, сосредоточенную в экономике, которая, в свою очередь, стирает различия между культурами и между религиями. При этом часть гуманистической культуры уже поглощена технаучной культурой. Этой культуре противостоит то, что Николеску называет *духовной культурой*, которая фактически является сетью, сотканной из огромного разнообразия культур, религий и духовных сообществ, иногда противоречивых, но все еще объединяемых общей верой в двойственную природу человека – с одной стороны, его физическая, биологическая и психическая природа, а с другой, его трансцендентальная природа.

Находясь «внутри» технаучной культуры, мы несем ответственность за сохранение духовной культуры, исчезновение которой будет равнозначным исчезновению нашего человеческого вида. Между технаучной культурой и духовной культурой необходима устойчиво воспроизводимая креативная коммуникация. Или, как уже говорилось, автопоэтическое сопряжение. Но как на практике возможно их осуществление?

Единственный путь, по мнению Николеску, состоит в том, чтобы найти границы аксиом фундаментальной науки и большинства ее общих результатов. Только располагаясь непосредственно на границах науки, мы можем установить диалог с духовной культурой. «Только если мы проблематизируем область между дисциплинами, пересекающую последние и выходящую за их пределы, у нас появится шанс установить связи между двумя пост-современными

культурами, интегрируя и науку и мудрость: трансдисциплинарность могла бы предложить методологическую основу для диалога между технонаучной культурой и духовной культурой»³¹.

Методология трансдисциплинарности Николеску основана на трех аксиомах.

I. *Онтологическая аксиома*: существуют разные уровни реальности объекта и, соответственно, разные уровни реальности субъекта.

II. *Логическая аксиома*: переход от одного уровня реальности к другому обеспечивается логикой включенного среднего.

III. *Эпистемологическая аксиома*: Структура всей совокупности уровней реальности проявляется в нашем познании природы общества или нас самих как сложностная структура: каждый уровень является тем, что он есть, потому что все уровни существуют одновременно.

Первые два постулата подкрепляются экспериментальными свидетельствами из квантовой физики, в то время как последний восходит не только к квантовой физике, но имеет свои корни в разнообразии других точных и гуманитарных наук.

При этом существенно, что логика современной дисциплинарной науки по большей части бинарна, в то время как логика трансдисциплинарности – троична.

Трансдисциплинарный подход к Природе и знанию может быть описан посредством рекурсивно сопряженной троичности, включающей: трансдисциплинарный объект, трансдисциплинарный субъект и термин взаимодействия. Или – рекурсивный интерфейс в нашем понимании.

«Уровнем Реальности» Николеску обозначает множество систем, которые суть инварианты под некоторыми законами: например, квантовые сущности подчиняются квантовым законам, которые отделены от законов макрофизического мира. То есть два уровня реальности являются различными, если при переходе от одного к другому имеется разрыв в применяемых законах и разрыв в фундаментальных концептах (подобных, например, причинной связи). Поэтому структура уровней реальности дискретна. Причем каждый уровень реальности имеет свое собственное пространство-время. Но, при всем при том, уравнивая

³¹ Cp.: *Nikolescu B. Toward a methodological foundation of the dialogue between the technoscientific and spiritual cultures* // http://www.edu.ru/db/portal/sites/portal_page.htm

реальность Николеску не иерархична. В ней отсутствует фундаментальный уровень. В то же время уровни в некотором смысле когерентны между собой. Каждый уровень характеризуется неполнотой, открытостью. Законы управляющие конкретным уровнем есть часть тотальности законов управляющих всеми уровнями. Но и эта тотальность не исчерпывает полноты реальности: нам требуется учесть субъекта в его взаимодействии с объектом. Познание всегда открыто. Существование различных уровней реальности уже утверждается разными традициями и цивилизациями, но это утверждение основывалось либо на религиозной догме, либо на исследовании только человеческой внутренней вселенной. Область между двумя различными уровнями, а также по ту сторону всех уровней есть зона, которая *не оказывает сопротивления* (*non-resistance*) нашему опыту, репрезентациям, описаниям, образам и математическим формулировкам. Такого рода ее прозрачность обусловлена нашей телесной ограниченностью, ограниченностью наших органов чувств, безотносительно к тому, какие инструменты и приборы используются для усиления и/или расширения их возможностей. В то же время топологическое расстояние между уровнями конечно. И далее: единство всех уровней реальности объекта и дополняющие их зоны прозрачности (*non-resistance*) образуют то, что Николеску именует *трансдисциплинарным объектом*. Что же касается субъекта, то здесь Николеску обращается к идеям феноменологии Гуссерля. Разные уровни реальности объекта доступны нашему познанию благодаря различным уровням восприятия потенциально присутствующими в нашем бытии. Эти различные уровни восприятия фактически являются уровнями реальности субъекта. И так же, как в случае уровней реальности объекта, когерентность уровней реальности субъекта предполагает область не-сопротивления восприятию. И тогда единство уровней реальности субъекта вместе с *зонами не-сопротивления* образуют то, что Николеску предлагает называть *трансдисциплинарным субъектом*. И, что важно, две зоны не-сопротивления *трансдисциплинарного субъекта* и *трансдисциплинарного объекта* должны быть в некотором смысле идентичны, для того чтобы была возможной коммуникативная связь между ними. В чем же, однако, смысл этой, вообще говоря, коммуникативной идентичности? Согласно Николеску, она обе-

спечивается *соответствием* потока сознания, который когерентно связывает разные уровни реальности субъекта, потоку информации, который трансверсален разным уровням реальности объекта.

И оба эти потока взаимосвязаны постольку, поскольку они причастны одним и тем же зонам *не-сопротивления*. Поэтому они играют роль включенного третьего между субъектом и объектом, обеспечивая их единство с сохранением различия. Итак, познание не имеет дело только с чем-то внешним или только внутренним. Оно одновременно и внутреннее и внешнее. Познание вселенной и человеческого бытия взаимно обуславливают друг друга. Все эти рассуждения можно схематизировать, обратившись к логическому дискурсу, сказав, что два смежных уровня связаны логикой включенного среднего, которая существенным образом отличается от классической логики. Мы не будем далее входить в подробности концепции трансдисциплинарности Николеску. Но нам важно в контексте *наших* рассуждений о познании вселенной и нашего бытия в ней обратить внимание на *рекурсивно-процессуальный характер логики включенного третьего*. Скорее всего, именно это имеет в виду и Николеску, говоря о том, что логика включенного среднего способна описывать когерентность между этими уровнями реальности посредством итеративного процесса, который продолжается до бесконечности до тех пор, пока все уровни реальности, известные или мыслимые, не исчерпаются.

Итак, рекурсия логики включенного среднего на разных уровнях реальности индуцирует открытую структуру единства уровней реальности. Эта структура несет в себе важные следствия для теории познания, потому что она подразумевает невозможность существования самодостаточной полной теории вселенной, включающей человеческое бытие. Эта рекурсия, связывающая уровни восприятия трансдисциплинарного субъекта и уровни реальности трансдисциплинарного объекта, проливает также свет на внутреннюю, имплицитную связь сознания и коммуникации в их космологическом измерении. Излагая свою концепцию уровней реальности, Николеску ссылается также на малоизвестную философскую работу Вернера Гейзенберга, написанную в 1942-м и изданную только в 1984-м. Гейзенберг, который хорошо знал Гуссерля, ввел идею трех *областей реальности*, способную дать доступ к понятию «реальности» как таковой: первая область – это область клас-

сической физики, вторая – область квантовой физики, биологии и психических явлений и третья – область религиозного, философского и художественного опыта. Эта классификация, в свою очередь, связана с тонким различием по степени связанности субъекта и объекта, степени их близости. Чтобы провести это различие, Гейзенберг и вводит понятие уровней реальности. Первый уровень реальности по Гейзенбергу соответствует положению вещей, которые объективируются независимо от процесса их познания. На этом, первом уровне Гейзенберг помещает классическую механику, электромагнетизм и теории относительности Эйнштейна, т. е. классическую физику. Второй уровень реальности соответствует состояниям вещей, которые неотделимы от процесса их познания. На этом уровне помещаются квантовая механика, биология и науки о сознании. Наконец, третий уровень реальности соответствует положению дел (вещей), созданных во внутреннем сопряжении (connexion) с познавательным процессом. Это уровень реальности философии, искусства, политики, метафор «Бога». Правда, в отношении религиозного опыта и опыта вдохновения оказывается трудным связать их с каким-либо уровнем реальности. Они, скорее, соответствуют переходу между разными уровнями в нерезистентной зоне, зоне рекурсивных процессов. Заметим, что разговор о рекурсивных процессах, в свою очередь, выводит нас на еще одну возможную интерпретацию логики включенного третьего посредством обращения к представлениям фрактальной геометрии и фрактального времени, одной стороны автопоэтической коммуникации, с другой. Так, американский автор Терри Маркс-Тэрлоу в одной из своих многочисленных статей на эту тему пишет: «Я доказываю важность фрактальной динамики для моделирования отношений сцепленности (entangled) между наблюдателем и наблюдаемым... Я ввожу само-подобие как новую симметрию в природе, которая представляет знак идентичности. Будучи исследованным семиотически, самоподобие может рассматриваться как различие, которое ведет к не различию. Я соотношу эту парадоксальную эквивалентность изменения и не изменения с операцией повторного пересечения границы в арифметике первого различия Джорджа Спенсера Брауна, так же как предложенная Варелой динамика повторного вхождения в форму (Re-entry) является характеристикой автономной системы. Мой тезис состоит в том, что фрактальные

сепаратрисы между внутренним/внешним, я (Self)/другой, субъективным и объективным уровнями, так же как и сознательным и бессознательным обоснованиями опыта представляют воображаемые (imaginery)/реальные основания для взаимосвязанного (entangled) сотворения (co-creation) мира и души (psyche)»³².

Таким образом осмысленная зона не-сопротивления является сразу и *имманентной трансценденцией*, и *трансцендентной имманентностью*: первое делает акцент в трансценденции, тогда как второе делает акцент на имманентности. Потому эти два термина отчасти противоречивы и, следовательно, неадекватны для обозначения зоны не-сопротивления, которая проявляется как несводимо реальное, которое не может быть сведено ни к имманентной трансценденции, ни к трансцендентной имманентности. Слово *сакральное* подходит для обозначения этой зоны не-сопротивления, поскольку включенная середина примиряет имманентную трансценденцию и трансцендентную имманентность.

Так или иначе, различные культуры и религии, так же как агностические и атеистические течения, определяются в терминах вопроса о сакральном. *Опыт сакрального – источник трансструктурных отношений.*

Транскультурное обозначает открытость всех культур тому, что пересекает и трансцендирует их. Она касается того времени, присутствующего в *транстории* – понятие, введенное Элиаде, – которое касается невероятного, немислимого и эпифании.

Транскультура подразумевает не уникальный тип культуры, а открытое, трансцендентное единство всех культур.

Транскультурное отношение не находится в противоречии с любой культурной, религиозной или духовной традицией или с любым агностическим или атеистическим течением в той мере, в какой эти традиции и течения признают присутствие сакрального. Фактически *присутствие сакрального – это наш собственное человеческое трансприсутствие в мире.*

И, наконец, рекурсивная тема повторяющегося различия становится одной из ведущих и в творчестве Жиля Делёза. Серия его текстов выстраивается в такой текст, в котором непрерывно повторяется описание всегда одной и той же структуры различия. Сери-

³² Marks-Tarlow T. Semiotic Seams: Fractal dynamics of Reentry // Cybernetics And Human Knowing. Vol. 11. № 1. P. 49–62.

альная стратегия Делёза направлена на такое схватывание мира, когда последний пребывает в постоянном становлении, имеющем место, если так можно выразиться, в некоем зазоре между «идеальной» и «реальной» проекциями этого мира. То есть речь идет о схождении и трансверсальных пересечениях таких проекций. Или, если пользоваться языком кибернетики второго порядка фон Ферстера, на нахождение собственных значений и форм в (вообще говоря) бесконечном процессе рекурсии реально/виртуально развертывающимся в вышеупомянутом зазоре. Тексты Делёза, особенно написанная им совместно с Гваттари книга «Тысяча плато», строятся в режиме циклообменов *как между главами, так и внутри глав. По сути дела это и рекурсивные тексты и тексты о рекурсии, как одной из важных онтологических инстанций.* Приведем, к примеру, обширную цитату из «Тысячи плато»:

«I. Охваченный страхом в темноте ребенок напевает, чтобы успокоиться. Он бродит, вдруг останавливается – и все по воле песенки. Потерянный, в меру своих сил, он защищается и, с грехом пополам, ориентируется благодаря песенке. Такая песенка напоминает грубый набросок убаюкивающего и стабилизирующего, спокойного и устойчивого центра внутри хаоса. Ребенок может даже подпрыгивать, когда поет, ускорять или замедлять темп; но как раз сама песня – уже прыжок: она перескакивает от хаоса к началам порядка в хаосе и каждое мгновение рискует развалиться. Всегда есть какое-то звучание в нити Ариадны. Или в пении Орфея.

II. И наоборот, теперь мы дома. Но свой дом заранее не дан – прежде надо нарисовать круг, очерчивающий такой сомнительный и хрупкий центр, надо организовать ограниченное пространство. Сюда вмещивается много весьма разных компонент, всевозможные вехи и метки. То же верно и для предыдущего случая. Но теперь такие компоненты используются ради организации пространства, а не ради мгновенного определения центра. И силы хаоса – настолько, насколько возможно, – удерживаются снаружи, а внутреннее пространство защищает герминальные силы ради выполнения поставленной задачи или ради сооружения, каковое еще надо сотворить. Тут есть и вся деятельность, связанная с отбором, уничтожением, удалением, дабы глубинные земные силы, внутренние силы земли не были утоплены, дабы они могли сопротивляться хаосу, а может, даже что-то заимствовать у последнего

через фильтр или уже сито очерченного пространства. И так, голосовые или звуковые компоненты весьма важны – стена звука, или в любом случае стена, хотя бы некоторые кирпичи которой состоят из звука. Ребенок напевает, чтобы накопить силы для домашних заданий, требуемых в школе. Домохозяйка напевает или слушает радио, когда организует антихаотические силы своей работы. Радио или телевизор подобны звуковой стене вокруг каждого домашнего очага, они помечают территории (а сосед протестует, когда слишком громко). Ради возвышенных сооружений – вроде основания города или изготовления Голема – мы чертим круг, но, главным образом, мы ходим по кругу будто в детском хороводе, соединяя согласные и ритмические гласные, соответствующие внутренним силам творения как различным частям организма. Ошибка в скорости, ритме или гармонии была бы катастрофой, ибо она погубила бы и творца, и творение, вернув силы хаоса.

III. И тут, наконец-то, мы приоткрываем круг, разрываем его, выпускаем кого-то, взываем к кому-то, или сами выходим вон, устремляемся дальше. Но круг мы рвем не там, откуда давят прежние силы хаоса, а в другой области, создаваемой самим кругом. Как если бы круг стремился к самому себе, дабы открыться будущему, в зависимости от работающих сил, каковы он скрывает. На сей раз для того, чтобы воссоединиться с силами будущего, силами космоса. Мы устремляемся вперед, подвергаясь опасности импровизаций. Но импровизировать – значит воссоединиться с Миром или смешиваться с ним. По ходу песенки мы выбираемся из собственного дома. На моторных, жестовых, звуковых линиях, отмечающих привычный бег ребенка, прививающихся к “линиям инерции” или начинающих почковаться – с разными петлями, узлами, скоростями, движениями, жестами и звучаниями»³³.

Тут нет трех последовательных моментов эволюции. Это три аспекта одной и той же вещи – Ритурнели»³⁴.

Данной цитатой мы хотели бы завершить наше повествование. Причем предложенное в статье рассмотрение трансдисциплинарных, междисциплинарных, сложностно-ориентированных подходов (моделей) Бэйтсона, Морена, Николеску и Делеза мы не хо-

³³ Делёз Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато. Капитализм и шизофрения. М., 2010. С. 517, 518.

³⁴ Там же. С. 517–518.

тели бы классифицировать по какому-то изначально выделенному признаку или основанию: онтологическому, гносеологическому или методологическому. Нам хотелось бы лишь еще раз обратить внимание на их принципиальную «срединность», рекурсивность, близость к идеям коммуникативного конструктивизма, кибернетики второго порядка, а также к такому существенно трансдисциплинарному направлению, как биосемиотика, в том ее виде, как она представлена в книге Хоффмайера «Знаки смысла во Вселенной»³⁵. Ведь мы живем в семиосфере, а как заметил в свое время Пирс, «человеческое бытие есть самый совершенный знак».

---

³⁵ *Hoffmeyer J.* Sign of Meaning in the Universe. Dloomington, 1993.